

Марсия Андес

Фотография для прошлого

ЛитРес:
Москва

ISBN 978-5-532-92288-4

УДК 82-3
ББК 84(2)6
А65

Андес М.

Фотография для прошлого / Андес М. — Москва: ЛитРес,
2022. — 234 с.

ISBN 978-5-532-92288-4

Марсия – фотограф. Страна, в которой она жила, практически уничтожена. Границы закрыты, внутри хаос и беспорядки, пожары и разрушенные здания, но девушка не сдаётся. Она идёт из Вашингтона в Лос-Анджелес, чтобы найти своих родителей. Она фотографирует, спасается от голода и бандитов и вспоминает того, кто потерялся среди этого безумия. Того человека, который заставил её жить. Содержит нецензурную брань.

© Андес М., текст, 2015
© ООО «ЛитРес», оформление, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Сейчас	9
Глава 2. Тогда	12
Глава 3. Тогда	16
Глава 4. Тогда	22
Глава 5. Тогда	27
Глава 6. Тогда	33
Глава 7. Сейчас	39
Глава 8. Сейчас	43
Глава 9. Сейчас	49
Глава 10. Тогда	53
Глава 11. Тогда	57
Глава 12. Тогда	61
Глава 13. Сейчас	67
Глава 14. Сейчас	71
Глава 15. Сейчас	75
Глава 16. Сейчас	81
Глава 17. Тогда	84
Глава 18. Тогда	91
Глава 19. Тогда	95
Глава 20. Тогда	99
Глава 21. Тогда	102
Глава 22. Тогда	107
Глава 23. Сейчас	116
Глава 24. Сейчас	121
Глава 25. Сейчас	126

Глава 26. Сейчас	130
Глава 27. Сейчас	135
Глава 28. Тогда	143
Глава 29. Тогда	147
Глава 30. Сейчас	156
Глава 31. Сейчас	160
Глава 32. Тогда	168
Глава 33. Тогда	173
Глава 34. Тогда	182
Глава 35. Сейчас	189
Глава 36. Сейчас	193
Глава 37. Сейчас	200
Глава 38. Тогда	203
Глава 39. Сейчас	211
Глава 40. Сейчас	217
Глава 41. Сейчас	223
Глава 42. Сейчас	229
Глава 43. Сейчас	232

Пролог

Всё началось с тишины.

Это было холодное летнее утро, когда солнце только-только начинало подниматься из-за горизонта, чтобы взорвать Землю своими лучами, но в итоге вместо него взорвалось нечто иное. Шесть утра. Воздух спокойный и ледяной, листья на деревьях незаметно шевелятся, небо чистое и безоблачное. Белоснежная ткань простыней, вывешенная соседями сушиться на балконе, практически не движется. Редкие машины, которые проезжают по пустым улицам, кажутся такими одинокими и красивыми. В некоторых окнах горит свет, но большинство людей всё ещё спит.

На крыше холодно. Я в одной рубашке, в тонкой джинсовой куртке, в шортах и в кедах. Здесь, на девятом этаже, ветер чуть сильнее, чем внизу, где тебя прячут здания. Здесь так тихо и прекрасно, и я не могу перестать нажимать на кнопку фотоаппарата. Я смотрю в объектив и вижу то, что не видят другие, потому что они все лежат в своих уютных кроватях под тёплым одеялом. Возможно, одни. Возможно, их кто-то нежно обнимает, обжигая горячим дыханием. Возможно, вторая половина их постели уже давно остыла. Они спят и не замечают, как прекрасен город летом в шесть часов утра.

Щелчок. Приблизить. Щелчок. Поменять резкость и ракурс. Щелчок. Изменить направление. Щелчок. Это всё равно, что изменить всю свою жизнь одним лишь нажатием.

Тишина настолько плотно накрывает меня, что я даже слышу своё собственное дыхание, которое вырывается из приоткрытого рта вместе с паром. Сердце трепещет от нетерпения, когда я нахожу новый красивый вид, пальцы немеют от холода, голова пустая, но в тоже время заполненная до краёв.

Крыши домов, небо, редкие птицы, простыни на балконе дома напротив, солнце, какой-то дым, чей-то силуэт в окне. Я фотографию всё, что только можно, чтобы оставить в памяти эти прекрасные моменты, которые остальные люди не видят. Чтобы все тоже узнали, насколько может быть прекрасен город летними утрами.

А всё, повторяю, началось с тишины.

Сначала я увидела огонь — он первым попал в кадр, а потом через несколько секунд меня охватил грохот взрыва. На фоне восходящего солнца это было прекрасно — вот о чём я подумала. А потом взрыв повторился. Слева, справа, позади меня. Везде. Здания разлетались на кусочки, рушились на асфальт, давили машины. Стёкла трескали, падали фонарные столбы, в дорогах появлялись выбоины. Какие-то автомобили взрывались. Огонь охватывал всё на своём пути, превращая город в настоящий ад.

Я не знаю, что я почувствовала в первую очередь: страх или восхищение. Это было, словно взрыв эмоций, словно вся ненависть обрушилась на нас, словно вся та боль, которая таилась в каждом человеке в глубине его души, вырвалась на свободу, чтобы уничтожить этот ужасный мир.

Почти все жители города спали. Многие погибли, даже не осознав, что происходит, кому-то удалось спастись и выжить, но я не знаю, что из этого было бы лучше. Умереть или жить в том, что от нас осталось.

Я не помню, сколько я простояла на той крыше. Не помню даже, как я спустилась в свою квартиру, чтобы попытаться сделать хоть что-то. И проблема была в том, что я понятия не имела, что нужно было делать в этой ситуации. Город охватили взрывы, мне, наверное, повезло, что в моём доме не заложили бомбу. Я просто сидела на своей кровати и чего-то ждала. Не знаю, чего или кого. Может быть, я надеялась, что всё вокруг меня тоже разлетится на части?

Это было как ступор. Не было никакой паники, не было ничего. Только понимание, что за окном умирают люди, что всё сгорает дотла, всё, что я любила, разрушается. А я просто сижу в пустой квартире на кровати, на которой несколько часов назад занималась любовью со своим бывшим парнем, и слушаю взрывы. Рус, как обычно, назвал бы меня странной.

Я пришла в себя только после того, как всё это закончилось. Грохот от взрывов прекратился, но пожары не остановились. На

улице был хаос, паника, сирены и крики. А в моей квартире не было ничего. Только я и пустота. И мой фотоаппарат на смятой постели.

Телефонная связь не работала, телевизор, интернет, сотовый — всё это было теперь бесполезно. Позже, нам сообщили, что неизвестная группировка заложила множество бомб в крупных городах страны и одновременно в шесть часов утра взорвала их. Погибли тысячи. Половина из них даже не узнала о собственной смерти.

Это была глобальная атака на страну. Атака на правительство.

Всё рушилось у меня на глазах, и я понимала, что не могу больше оставаться здесь. Мои друзья погибли. Большинство знакомых осталось под завалами зданий. С родителями я не могла связаться из-за отсутствия интернета и сотовой связи — мама с папой жили в другой части континента. Добраться из Вашингтона в Лос-Анджелес своим ходом сейчас было практически невозможно, но это меня не остановило. Я взяла машину, собрала вещи и уехала.

Через неделю после теракта, правительство закрыло границы, дабы избежать массового побега граждан. Это всех только разозлило. Люди начали создавать группировки и бороться против власти, государство пыталось взять всё под свой контроль, но из этого ничего не получалось. Всё рушилось, и никто этого не замечал. В больших городах было опасно: постоянные разборки между жителями и властью, перестрелки, взрывы, смерти. Как будто им не было достаточно всех этих потерь. Они были как голодные звери, готовые разорвать друг друга за кусок мяса.

Это было отвратительно. Да и сейчас не лучше. Государство постепенно затухало, но война полицейских и революционеров, как они себя называли, не прекратилась. Кажется, США охватила анархия. Беспорядки в стране усилились, вандализм, разрушения, воровство, убийства — всё это было похоже на страшный сон. На один из моих кошмаров в те моменты, когда я мёрзну без одеяла в своей постели. После ухода из дома я стала замерзать куда чаще по ночам...

Мне не было страшно. Мне было грустно. Я двигалась на запад, фотографировала, избегала стычек с бандитами и думала. Посто-

янно. Мысли охватывали меня, сдирали кожу, обжигали изнутри, но иногда заставляли улыбаться.

Всё, что было со мной в этой жизни, казалось мне теперь таким наивным и глупым. Мы так легко тратим свою жизнь на пустые поступки, рискуем ею, думаем, что так будет всегда. Мы так зациклены на своих привычках: курим, пьём, сидим в телефоне, интернете, учимся, чтобы потом работать, работаем, чтобы потом умереть. Тратим свою жизнь на тех людей, кто нам совсем не нужен, кому не нужны мы сами. Тратим её на пустые страдания, не замечая, что вокруг нас есть что-то гораздо важнее, чем наши прихоти.

Например, жизнь, смысл которой мы давно потеряли.

И мне ничего не оставалось, как просто бежать и надеяться, что мои родители всё ещё живы и что я смогу их отыскать в этом хаосе. Ведь Руса я так и не смогла найти...

Глава 1. Сейчас

Я бегу из Вашингтона на своём любимом матовом Порше, буквально вырываюсь из лап огня и революции, которая охватывает город. У меня нет желания участвовать во всём этом, ведь я настоящая трусиха. А ещё я эгоистка. Всегда ею была. Всегда думала только о себе, о своих целях, даже в тот момент, когда моё сердце было переполнено любовью, я только и делала, что думала о своих прихотях. Быть рядом с ним, потому что мне от этого хорошо, любить его, думать о нём, скучать, всё это только ради себя. Я даже отпускать его не хотела, когда мы расстались, потому что он был нужен мне. Потому что я нуждалась в нём.

Я. Я. Я. Я...

Хотя, может быть, я ошибаюсь.

Машина не выдерживает долго. Недалеко от Цинциннати в Огайо она ломается, и мне приходится оставить свою малышку на растерзание безжалостных отчаявшихся людей. Если всё это закончится, нужно будет отправить жалобу в ремонтную компанию, видимо, не так уж и хорошо они чинят автомобили.

Я иду пешком — искать другую машину рискованно, да и вряд ли у меня что-то получится. Если бы на моём месте был Рус, он бы запросто нашёл выход. Он бы рискнул, вырвал бы себе кусок из пасти хищника. Он бы боролся. А я только и могу, что плыть по течению и надеяться на лучшее. Надежда — это единственное, что у меня было в моей жизни.

Расстояние от Вашингтона до Лос-Анджелеса как минимум 2600 миль. По моим подсчётам идти туда пешком около 35 дней. Если учесть остановки на ночь и отдых, плюс тот путь, который я уже проехала на машине, то до родителей я доберусь примерно за два месяца. С моей скоростью, возможно, даже за три. 600 миль я уже преодолела, осталось всего 2000.

Надеюсь, я успею. Должно же мне хоть раз в жизни повести.

Лето в этом году жаркое, однако, ночами чертовски холодно. Я всегда нахожу безопасное место и развожу костёр, кутаюсь в потрё-

панный плед и смотрю на то, как яркое пламя сжигает тонкие ветки деревьев. Сильный огонь привлечёт внимание бандитов, поэтому я стараюсь быть осторожной.

Ещё никогда в жизни я так долго не боролась за своё существование. Одна лишь мысль о том, что мне предстоит такая долгая дорога, сводит меня с ума, но я не собираюсь сдаваться. Только не сейчас, только не тогда, когда я потеряла практически всё. Друзей, работу, учёбу, даже свою любимую собаку. А ещё Руса. Вот кого я действительно потеряла в этом хаосе. Хотя, признаться, я лишилась его уже давно, даже когда он был рядом со мной, даже, когда я знала, что он делает и о чём думает, я понимала, что потеряла его. Наверное, навсегда.

Поэтому просто сидеть и ждать чуда, как я обычно делала всю свою жизнь, сейчас безумно неправильно. И я это понимаю. Уже давно настало время вырваться из своей зоны комфорта и измениться. Разбить скорлупу, вырваться на свободу и летать.

Родители — это единственная надежда, которая у меня осталась. Дети ведь всегда возвращаются домой, откуда сбежали, повзрослев. Настало время и для моего возвращения.

Усталость, вечные попытки найти еду, бегство от опасности, воспоминания, фотоаппарат — это всё, что у меня сейчас есть.

В заброшенных магазинах разрушенных городов, откуда люди бежали, чтобы спастись, можно найти что-нибудь поесть. Консервы, шоколадки, вода. Мне много и не надо, только бы добраться до побережья. Голод и другие люди — это единственное, чего стоит бояться.

Сейчас революционеров уже и не отличишь от бандитов. Все они кричат о справедливости, о свободе, о равноправии, но большая часть из них продолжает всё это нарушать. Они воруют деньги и драгоценности, еду и вещи, жизни и свободу. Я видела, как это всё происходит, как хохочущие ублюдки с шакальими осками убивают ради воровства, как они насилуют женщин, грабят испуганные семьи, решившие перебраться из одного города в другой на машинах, как они избивают детей и стариков. И продолжают противно хохотать. Они мерзкие, они прогнившие, они с пушками и машинами разъезжают по уничтоженной стране и добивают её.